

ва. С одной стороны, выселение называется «крупнейшим нарушением основных принципов ленинской национальной политики партии» (с. 99), говорится об очевидной бессмысленности «утверждения о коллективной ответственности всего народа за сотрудничество с оккупантами» (с. 91). С другой стороны, пять страниц текста посвящено описанию этого сотрудничества, и лишь в одной фразе сообщается, что «в партизанских отрядах сражалось много коммунистов и комсомольцев, в том числе и татарской национальности» (с. 84—85). Баланс информации, предлагаемый читателю, явно тенденциозный.

Давно и официально объявлено, что решение о депортации в 1944 г. было необоснованным и несправедливым. Ясно, что постановление о выселении пяти народов, принятое 11 мая 1944 г., когда в Севастополе еще продолжалось сопротивление фашистских войск, не могло опираться на какую-либо юридическую процедуру выявления и наказания коллаборационистов. Оно диктовалось иными мотивами, которые ждут еще своего освещения историками. Но читатели вправе ожидать от специалистов корректного и взвешенного описания событий.

Вряд ли поэтому можно назвать корректными приводимые цифры и пропорции (!) числа татар, сотрудничавших с немцами (с. 82—83), вычисленные к тому же по немецким источникам. Еще более неэтично постоянное муссирование темы татарских коллаборационистских военных и гражданских формирований, участия татар в карательных батальонах при полном умолчании о такой же деятельности представителей других народов. Во всех оккупированных районах, независимо от состава населения, существовали местная администрация, полицейские и вспомогательные части. Значит, были бургомистры и старосты, полиция и охранники, предатели всех национальностей. В чем же тогда наша этика: оценивать целые народы по числу предателей? Но зачем нам вновь предлагают это лишь для одного народа с такой горькой судьбой?

Столь же двойственное чувство оставляет и последняя глава—«Крымская область в условиях дальнейшего развития социализма в СССР», где неполные 4 страницы (из 13) посвящены современному положению крымских татар. Пожалуй, это самый подробный очерк на такую тему в центральном научном издании. Хорошо, что читатель может теперь узнать имена современных татарских поэтов и писателей, услышать о газете и журнале, выходящих в Узбекистане на крымско-татарском языке, или деятельности докторов наук — крымских татар (с. 101—102). Но опять мы в изобилии встречаем полуфразы с полунформацией: «Крымские татары и другие национальности, выселенные из Крыма, частично вернулись в край и живут сейчас в основном в Крымской и Херсонской областях» (с. 100); «Татары живут сейчас не только в Крымской и Херсонской областях, но и в Краснодарском крае, Чимкентской области Казахской ССР, Ленинабадской области Таджикской ССР и во многих областях Узбекской ССР» (с. 100). Что дают эти «частично», «в основном», «не только» без единой цифры, даже без общей численности крымских татар? И тут же вновь как обязательная иллюстрация очередной «список» народов Крыма: «В экспозиции Крымского областного краеведческого музея в настоящее время широко представлены материалы о всех народах области: армянах, греках, русских, украинцах, белорусах, болгарях, крымских татарах» (с. 101). Жанр изложения остается тот же.

Теперь нам осталось определить этот жанр. Что ж, назовем его прямо: перед нами поспешно написанный популярный исторический путеводитель. Отсюда понятны его характерные черты: названия глав, напоминающие заголовки стенов или разделов учебника; безапелляционность изложения, когда подается одна, как бы единственно существующая версия; огромное количество опечаток (типа «эихи», «Магуп», «Бскир, Умеров» и др.); соединение под одной обложкой всей истории от бивней мамонта до портретов передовиков производства.

Вот мы и пропались вместе с авторами по залам крымской истории. Но у науки, как известно, свои пути развития. Один — это смелые озарения, уникальные находки, яркие интерпретации. Другой — систематическое накопление источников и фактов с постепенным продвижением по всему фронту познания. Но никогда наука не продвигалась вперед написанием путеводителей. Такой путь заведомо губителен и для ученых, и для читателей, получающих в солидной упаковке суррогат научного процесса.

Хорошо, что наши коллеги-историки целенаправленно обратились к освещению прошлого Крыма. Можно надеяться, что впредь в нем не будет пропусков и пустых страниц, характерных для прежних изданий. Поэтому мы с нетерпением будем ждать новых публикаций — сборников статей, научных дискуссий. Только так «прошлое и настоящее» может стать подлинной крымской историей.

И. И. Крупник

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

J. Cuisenier, M. Segalen. *Ethnologie de la France*. P., 1986. 127 P.

Книга «Этнология Франции» опубликована в популярной серии «Que sais-je?» («Что я знаю?») издательства «Presses Universitaires de France» (PUF) в 1986 г. Популярность в данном случае вовсе не означает невысокий научный уровень: основатель этой серии Поль Ангульван определял ее как «энциклопедическую коллекцию». Среди авторов выпусков — крупнейшие специалисты в различных областях знания. «Этнология

Франции» написана Жаном Кюзинье — главным хранителем Национального музея народных искусств и традиций (Musée National des Arts et Traditions Populaires — MNATP) и Мартином Сегален — директором Центра французской этнологии (Centre d'Ethnologie Française — CEF). Оба автора, известные этнографы, принимают участие в издании «Ethnologie française»¹ — основного журнала по этнологии Франции и в исследовательских работах Национального центра научных исследований (Centre National de la Recherche Scientifique).

Ж. Кюзинье является крупным специалистом по традиционной материальной культуре² и народному искусству Франции³. Большой вклад сделан им в развитие теории и практики музейного дела⁴.

Главные объекты научных исследований М. Сегален — семья и родство, прежде всего в традиционном сельском⁵ обществе. Это, впрочем, не исключает из сферы ее интересов современность и не сужает набор применяемых им методов⁶.

«Этнология Франции» состоит из шести глав, и по содержанию ее можно разделить на две части: три первые главы посвящены развитию и становлению современной этнологии Франции, последние анализируют ее исследовательскую практику. Но излагаемый материал разделен на главы не по методологическим направлениям, а по типам основных объектов исследования: техника и культура (с. 58—76), социальная организация (с. 77—98) и системы выражений, ритуалов и символов (с. 99—121).

Уже во Введении авторы пытаются определить, что является объектом исследования этнологии Франции. Самая первая дефиниция — «группы людей, взятых в их общественной деятельности, через их культурное и символическое производство, их технические навыки и умения» (с. 3) — не дает о ней полного представления, но следующее затем перечисление областей интересов этой научной дисциплины дополняет картину. Здесь называются народные знания, особенности производительной деятельности, системы родства, старые и новые праздники, локальные общественные и потестарные институты, обычаи и обряды, организация среды обитания (жилища), уход за телом и т. д. (с. 4). Видно, уже сама краткость Введения (2 с.) свидетельствует о том, что оно лишь предвещает рассмотрение всех аспектов исследовательской программы французской этнологии.

Само название первой главы книги — «От фольклора к этнологии» (с. 5—19) определяет истоки этой научной дисциплины, а именно фольклорные исследования, которые «развивали эпизодический диалог с социологической школой Дюркгейма и тем, что называлось во Франции этнографией или изучением примитивных обществ» (с. 5). Изначально понимаемые во Франции более широко, чем в нашей научной традиции, эти исследования проделали в своем развитии большой путь — от записок путешественников и общественных деятелей до научных трудов Ф.-М. Люзеля (1821—1895), Э. Роллана (1846—1909)⁷, П. Себийо (1843—1918)⁸ и, наконец, Арнольда Ван Геннепа (1873—1957), для которого это «не что иное, как этнография сельского населения Европы» (с. 11). Научная деятельность А. Ван Геннепа выделена в книге особо (с. 10—16). Именно с его работами, ставшими классическими для французской этнографии⁹, связывают авторы выход «фольклора традиционного общества» на один уровень с «этнографией примитивных обществ» и превращение этого научного направления в общую этнологию, а затем в этнологию Франции (с. 15—16). Этот сложный процесс рассматривается в книге в связи с обогащением наук о человеке в процессе их развития, учитывается при этом и воздействие крупнейших междисциплинарных теоретических направлений, прежде всего французской социологической школы в лице Э. Дюркгейма (с. 16—17), а позднее — М. Мосса (с. 17—18).

Вторая глава посвящена формированию этнографических коллекций и складыванию системы этнографических музеев — базовых научных учреждений по изучению «народных искусств и традиций» Франции. Здесь рассматривается деятельность как всемирно известных музеев — «Трокадеро», «Национального музея народных искусств и традиций» и «Музея Человека», так и провинциальных региональных (Эльзасского, Баскского и многих других). Совершенствование фондов и экспозиций, пишут авторы, в большой степени отражает развитие этнологии Франции, переход от простой фиксации конкретных форм народного быта и культуры, накопления и скрупулезного описания материала к его теоретическому осмыслению на основе комплексных, междисциплинарных исследований. Пример этого — судьба нового направления в музейной работе,

¹ *Ethnologie française. Revue trimestrielle de la Société d'ethnologie française*, publié par le CEF. P., depuis 1971.

² *Cuisenier J.* La maison rustique. P., 1987; *idem* (sous la direction de). L'architecture rurale française: corpus des genres, des types et des variantes. P., 1977—1985; *idem* (sous la direction de). Le mobilier régional français. P., 1980—1984.

³ *Cuisenier J.* L'art populaire en France. Rayonnement, modèle et sources. P., 1975.

⁴ *Cuisenier J. et al.* Hier pour demain: arts, traditions, patrimoine. Catalogue de L'exposition du Grand Palais. 13 juin — 1 sept. 1980.

⁵ *Segalen M.* Quinze générations de Bas-Bretons. Parenté et société dans le pays bigouden Sud 1720—1980. P., 1985; *idem.* Mari et femme dans la société paysanne. P., 1984.

⁶ *Segalen M.* Sociologie de la famille. P., 1981.

⁷ *Rolland E.* Faune populaire de la France. P., 1877—1914; *idem.* Flore populaire ou histoire naturelle des plantes. P., 1896—1912.

⁸ *Sebillot P.* Le folklore de France. P., 1904.

⁹ *Gennep van A.* Les rites de passage. P., 1909; *idem.* Manuel de folklore français contemporain. P., 1943.

связанного с экомузеями и парками. За время существования старейших из них — в Маркёзе (Marquéze) и Лё Крёзо (Le Creusot) — и появления новых были расширены возможности демонстрации памятников народной архитектуры и быта во многом и благодаря углублению взаимодействия этнологии с этноботаникой, этнозоологией и этнотехнологией (с. 35).

Третья глава, посвященная становлению этнологии Франции в ее современном виде, расширяет перечень научных дисциплин, на основе которых она возникла. Здесь перечисляются физическая антропология, география, музееведение, социальная антропология и фольклористика (с. 37). Как следует из написанного, именно в конце 40-х — начале 50-х годов нашего века был осуществлен переход от изучения «народных искусств и традиций» к этнологии (с. 37). Этот процесс был связан с творчеством М. Мосса, сформулировавшего цели и методы этнологии (с. 39), и с появлением ряда монографий, посвященных анализу традиционного сельского быта и культуры (с. 40—41). Завершение переходного этапа датируется достаточно определенно: с 1971 г. в названии общества понятие «этнология» заменило слово «этнография», что, исходя из французской терминологической традиции, должно было означать переход от фиксации и описания этносоциальных объектов к их анализу и созданию теории. Тогда же и главный журнал общества — «Народные искусства и традиции» («Arts et traditions populaires») стал называться «Этнология Франции» («Ethnologie française»).

Представляется интересным взгляд авторов книги на роль теоретических направлений, повлиявших на этнологию Франции. Они отдают первенство структурному анализу, связанному преимущественно с творчеством К. Леви-Строса; структурализм понимается ими как «метод систематического и связного анализа социальных и культурных явлений, взятый за образец из лингвистических методов» (с. 45). Влияние марксизма рассматривается в книге как опосредованное — через экономическую антропологию. Определяя главные черты марксистского направления во французской этнологии, авторы приводят слова Мориса Годелье о том, что способ производства определяет соответствующие социальные структуры и общественные отношения (с. 47—48). Как более близкая к французской проблематике рассматривается работа Шарля Парена¹⁰, в которой исследование традиционных сельскохозяйственных районов (Шампань и Лотарингия) исходит из анализа процессов развития французского общества с этнографической и исторической точек зрения (с. 48). В качестве еще одного примера влияния марксизма на этнологию Франции приводится работа П. Бурдьё, в основе которой лежит «концепция социального воспроизводства». В целом положительно оценивая этот труд, посвященный обществам кабиллов, Беарна и различным социальным группам современной Франции, а в теоретическом плане — анализу «феномена трансмиссии» культуры, родственных связей и социальных статусов, авторы указывают, что П. Бурдьё использовал методы, выработанные экономической антропологией (с. 48—49). В качестве еще одного источника влияния называется социальная антропология, вернее — англо-американская наука. К сожалению, круг теоретических влияний лишь кратко обрисован авторами. Здесь зачастую лишь перечисляются основные работы и их авторы, представляющие то или иное направление (с. 44—49).

Четвертая — шестая главы посвящены вопросам изучения отдельных сторон традиционной культуры. Глава IV «Техника и культура» посвящена изучению традиционной материальной культуры. Здесь рассматриваются формы и функции сельского дома, соотношение традиционной архитектуры и социального пространства, добывающая и производящая деятельность, «техническая» организация среды и системы жизнедеятельности человека. Авторы описывают развитие исследований в этом направлении, называют наиболее значительные работы. Привлекают стройность типологий явлений материальной культуры и свойственная французской этнологии традиция комплексного изучения среды обитания человека и системы его жизнедеятельности.

В пятой главе — «Социальная организация» — анализируются монографические работы, посвященные междисциплинарным исследованиям коммун (с. 78—80) и регионов (с. 80—83). Авторы рассматривают усложнение объектов исследования, связывая это с проблемой идентификации (с. 85—86), динамикой социальных институтов (с. 87—89) и пониманием социального пространства и классов в городской среде (с. 89—90).

Серьезным вопросом является, по мнению Ж. Кюзинье и П. Ангульвана, роль семьи в социальном воспроизводстве. Здесь авторы рассматривают в тесной взаимосвязи систему регуляции отношений родства, социально-экономические функции семьи и связанную с этим символика.

Завершает книгу глава, посвященная «системе выражений, ритуалов и символов» (с. 99—121). В ней рассматриваются проблемы соотношения языка, диалекта и говора в связи с процессом формирования структуры этнорегиональных групп населения страны, анализируется роль народной литературы, музыкального и песенного фольклора в складывании культурного своеобразия исторических областей и регионов Франции. История изучения этих культурных явлений прослеживается авторами в тесной взаимосвязи с осмыслением ритуально-обрядовой деятельности и символики, системой народных знаний и обычаев, народных эстетических ценностей и форм художественного творчества, составляющих основу для понимания духовного мира исследуемых этносоциальных общностей.

«Этнология Франции» обращает на себя внимание еще и непривычным для нас отсутствием регионального разделения материала. Авторы объясняют это стремлением к сосредоточению на общих проблемах научной дисциплины в целом. Касаясь вопроса о единстве и разнообразии населения Франции, они обращают внимание на понятие

¹⁰ Parain Ch. Outils, ethnies et développement historique. P., 1979.

культурной идентичности. В связи с этим подчеркивается, что «такие общности, как население, говорящее по-баскски или по-бретонски, являются результатом длительного и комплексного исторического процесса формирования, который, согласно советской традиции, можно назвать этногенезом» (с. 122).

Сохранение региональной дифференциации авторы рассматривают во взаимосвязи со складыванием новых общностей, где фактор этничности (в региональном смысле) присутствует наравне с такими, как возраст, пол или классовая принадлежность (с. 123).

Наряду с историей формирования современной этнологии Франции книга позволяет судить и о принципах группировки исследовательских направлений внутри нее. Написанная ведущими специалистами в данной области, рецензируемая работа отражает новейший взгляд французских ученых на задачи и методологические принципы этой научной дисциплины.

А. В. Полевой

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ

О. Ю. Артёмова. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине: по австралийским этнографическим данным. М., 1987. 200 с.

Книга О. Ю. Артемовой, если можно так выразиться, следует благородной цели «человечивания» этнографических исследований. При условии, что это отнюдь не популярная литература, перед нами удачная попытка соединить серьезный научный поиск с заинтересованным рассказом о реальных людях первобытного общества, их характерах, особенностях мировосприятия, жизненных ценностях и устремлениях. Человек поставлен здесь в центр исследовательских интересов. И, вероятно, ощущением объемности видения мира, возникающим у читателя, мы обязаны именно показу многообразия людских проявлений, тому эмоциональному отклику, который он порождает. Создается пусть фрагментарная, но образная картина действительности, что, как известно, всегда наиболее предпочтительно.

Привлекая разнообразные источники, в том числе и фольклор аборигенов, О. Ю. Артемова анализирует обширный фактический материал, который охватывает период в 180 лет, от конца XVIII столетия до второй половины 60-х годов нашего века.

Автор книги ставит своей целью с помощью максимально полного выявления взаимосвязей между человеческой личностью и традиционными социальными нормами представить сильный этнографический аргумент в споре с теми учеными, которые рассматривают раннепервобытные коллективы как нивелирующие индивидуальность, лишаящие ее свободы выбора.

В ходе исследования О. Ю. Артемова выдвигает ряд конкретных задач, которые, как нам кажется, можно сгруппировать в два комплекса. Первый из них — выявление общественных условий для самореализации личности. К таким условиям автор относит: сложность социальной структуры австралийцев; наличие в их культуре нормативов, предполагающих развитие личной инициативы; наконец, существование феномена индивидуальной специализации. Во второй комплекс попадают задачи, уже непосредственно связанные с анализом соотношения личности и нормы. Это: подразделение нормативов на препятствующие и благоприятствующие самораскрытию индивидуальности; исследование случаев нарушения норм и отступления от правил как в межгрупповых, так и в межличностных отношениях; оценка обществом таких отклонений.

Книга подразделяется на введение, четыре части из 10 глав и заключение. В текст включены фотографии аборигенов и карта расселения австралийских племен.

«Введение» представляет собой весьма важный и обстоятельно написанный раздел с изложением мотивов работы, историей проблемы, объяснением ведущих терминов и понятий. Явной удачей здесь можно считать развернутое обоснование вывода о том, что ценность этнографических материалов по традиционной культуре Австралии не может быть поставлена под сомнение. Тот факт, что мы имеем дело лишь с аналогами, а не эквивалентами древних охотничьих обществ, не лишает этнографов главного — принципиальной возможности реконструировать на этой основе ранние этапы человеческой истории. Вопрос лишь в том, что для подобной цели неприемлем прямой перенос конкретных культурных вариантов, а требуется выделение структурных, типологических черт. И тут, конечно, перспективы для научных поисков самые благоприятные. С другой стороны, углубление наших представлений о синхронных обществах как бы поднимает планку достигнутого уровня знаний, ниже которого не следует опускаться в теоретических работах. По словам О. Ю. Артемовой, в достижениях австралистов нужно видеть «гарантию... от спекулятивных реконструкций отдельных этапов первобытной истории, опирающихся на одни только умозрительные построения» (с. 8).

Первая часть рассматриваемой книги как бы подводит читателя к восприятию собственно «нормативного» исследования. В двух главах автор рисует наиболее значительные черты социальной структуры аборигенов и специфические особенности их духовной жизни. В третьей, заключающей главе все это осмысливается как благоприятные условия для раскрытия личностного потенциала индивида. С таким выводом трудно не согласиться, но хотелось бы высказать два соображения. Хотя сложному общественному устройству австралийцев отведено много места, некоторые важные, если не важ-